ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Европейская конвенция по защите прав человека и основных свобод: правовые аспекты перевода на русский язык

*Вознесенский Н.Н.**

Многосторонние международные договоры в современном обществе разрабатываются и подписываются одновременно на нескольких языках. Венская конвенция о праве международных договоров в статье 33 части 1 устанавливает, что все языковые версии (тексты) договора будут иметь одинаковую силу, то есть являться аутентичными. Существование нескольких аутентичных текстов создает определенные трудности в случае расхождения или противоречия между ними. И хотя количество зафиксированных противоречий, которые привели к значительным юридическим или практическим последствиям, сравнительно невелико¹, тем не менее, проблема заслуживает внимания и решения. Ведь наличие нескольких языковых версий договора с большей вероятностью влияет на его толкование и применение.

Несовпадения в аутентичных текстах международных договоров возможны в силу ряда причин.

В некоторых случаях аутентичные тексты разрабатываются не в процессе переговоров, а секретариатами международных организаций, которые подчас действуют независимо от договаривающихся сторон². Таким образом, различия в аутентичных текстах могут являться результатом неудовлетворительной работы переводчиков.

* Вознесенский Николай Николаевич – студент 4 курса юридического факультета МГЛУ, член Российской ассоциации международного права.

¹ Tabory, Mala. Multilingualism in International Law and International Institutions. Sishoff& Noorsnoff, 1980. P. 227.

² Шабтай Розен, цит. по: Tabory, Mala. Multilingualism in International Law and International Institutions. Sishoff& Noorsnoff, 1980. P. 215.

Противоречия аутентичных текстов могут также являться компромиссом между сторонами, не сумевшими договориться по конкретным вопросам или сознательно демонстрирующими свои разногласия. Например, профессор О.Н. Хлестов, глава советской делегации на переговорах о двустороннем сокращении вооружений в Центральной Европе свидетельствует, что «термины и выражения, используемые в русской и английской версиях [этого договора], не полностью идентичны, что было результатом компромисса, достигнутого переговорщиками»³. Струоб Тэлбот характеризовал расхождения в текстах одного их русско-американских договоров в сфере контроля над вооружениями следующим образом: «[drafters] haggled over semantic distinctions between English and Russian, sometimes because of genuine linguistic anomalies but often to score political points or as a matter of negotiating tactics».

Возможны и иные причины расхождений значений аутентичных текстов международных договоров. Однако независимо от этих причин обнаруженные противоречия устраняются с помощью приемов толкования договоров, которые закреплены статьями 31, 32 и 33 Венской конвенции и о праве международных договоров. И хотя положения этих статей не раз подвергались критике в научных работах⁴, Венская конвенция остается важнейшим источником правил толкования международных договоров.

Между тем расхождения могут появляться не в аутентичных текстах, а между ними и их переводами на другие языки в случае присоединения того или иного государства к многостороннему международному договору. Этот вопрос выходит за рамки проблемы толкования международных договоров и практически не регулируется Венской

³ B.R. Tuzmukhamedov Interpretation of Discrepancies in Russian and English Texts of International Treaties and Possible Impact on Implementation // 21 Polish yearbook on international law, 1994. P. 218.

⁴ Прежде всего подчеркивалось, что статья 33 Венской конвенции не дает конкретных правил, а содержит лишь общие положения о толковании. Так, статьей 33 предусматривается, что в случае различий в аутентичных текстах, если обычные средства толкования, предусмотренные статьями 31 и 32, не помогают разрешить противоречия, «принимается то значение, которое, с учетом объекта и целей договора, лучше всего согласовывает эти тексты». Неясно, например, следует ли пытаться всеми возможными способами толкования приблизить значение одного текста к значению другого или надо найти некий компромисс между ними. Подробнее см.: Tabory, Mala. Multilingualism in International Law and International Institutions. Sishoff& Noorsnoff, 1980. P. 200-215.

конвенцией. На первый взгляд, ошибки в переводе, если он не признан аутентичным текстом, не могут оказать влияния на смысл и толкование норм договора. Однако в случае с договорами в сфере прав человека неправильный перевод будет серьезным препятствием для осуществления закрепленных в них прав и свобод. Ведь положения такого договора могут и должны непосредственно применяться для защиты физических лиц внутри страны, где будет использоваться перевод, а не аутентичные тексты. Примером противоречий между переводами и аутентичными текстами может быть китайский текст конвенции «О геноциде». Конвенция переводилась на китайский язык два раза с целью добиться соответствия перевода и аутентичных текстов, тем не менее, оба перевода признаны неудовлетворительными⁵.

Российским законодательством вопросы создания и правового положения русского неаутентичного текста международного договора не регулируются. Этой проблеме была посвящена статья профессора В.К. Собакина «Правовые аспекты внесения на ратификацию многосторонних международных договоров», опубликованная в Московском журнале международного права в 1997 году. В статье обсуждались вопросы предстоящего внесения на ратификацию некоторых Конвенций Совета Европы, и прежде всего Европейской Конвенции по защите прав человека и основных свобод, аутентичные тексты которой составлены на английском и французском языках. Автор предложил изменения и дополнения в ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», в том числе новую статью 16.1 «Порядок ратификации международных договоров РФ, аутентичные тексты которых составлены на иностранных языках».

Весной 1998 года Конвенция и дополнительные протоколы к ней (далее Конвенция) были ратифицированы Федеральным Собранием. Конвенция вступила в силу для РФ 5 мая 1998 года. Протокол № 11, который существенным образом изменил Конвенцию, вступил в силу для РФ 1 ноября того же года.

При ратификации не были учтены предложения о внесении изменений в существующий порядок подготовки официального перевода, что привело к некоторым негативным последствиям. Согласно части 4 статьи 16 ФЗ «О международных договорах РФ», при ратификации в ГД РФ была направлена копия официального текста Конвенции с офици-

⁵Tabory, Mala. Multilingualism in International Law and International Institutions. Sishoff& Noorsnoff, 1980. P. 215.

альным переводом на русский язык, который и был опубликован в Собрании законодательства РФ № 20 1998 года и в Бюллетене международных договоров РФ № 7 1998 года. Однако при этом были опубликованы только английский текст и русский перевод. В 2000 году из Страсбурга в МИД РФ поступила официальная просьба опубликовать оба аутентичных текста Конвенции, что и было сделано в 2001 году в Бюллетене Международных договоров № 3 и СЗ РФ (№2)⁶.

Сознавая особое значение Конвенции⁷, при повторном опубликовании ее текстов МИД предпринял вторую попытку наиболее адекватно воспроизвести подлинные тексты Конвенции на русском языке и осуществил повторный перевод. Однако фактически это привело к параллельному существованию двух официальных переводов, которые при этом имеют ряд существенных различий. В частности, это часть 3 статьи 5, часть 1 статьи 8, статья 9, статья 10, статья 1 протокола № 1, часть 1 статьи 1 Протокола № 7 и некоторые другие. Все названные статьи непосредственно регулируют права и свободы человека.

Параллельное существование двух официальных переводов означает, что существуют весомые аргументы как в пользу признания первого перевода (СЗ № 20 18.05.1998), так и в пользу второго (СЗ № 2 08.01.2001).

В пользу более позднего перевода говорит то, что:

он был опубликован после изменений, внесенных протоколом № 11;

был признан в качестве официального Президентом РФ, МИД РФ и Центром информации и публикации Совета Европы в РФ (www.coe.ru);

перевод осуществлен с учетом обоих аутентичных текстов и некоторых толкований Европейского Суда по правам человека.

⁶ В редакции Собрания Законодательства РФ автору сообщили примечательную деталь. При публикации французского аутентичного текста Конвенции из-за трудностей с французским шрифтом редакцией СЗ РФ использовался текст с одного из официальных сайтов Совета Европы в Интернете.

⁷ «Конституция Российской Федерации (статья 2), основываясь на принципах правового государства, провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью. Права человека, являясь естественными и неотъемлемыми, определяют смысл, содержание и применение законов (статья 18 Конституции Российской Федерации)». Эта формулировка неоднократно приводится в Постановлениях Конституционного Суда РФ.

В.К. Собакин также указывал, что особенностью актов Совета Европы является то, что они посвящены защите прав человека, а следовательно, устанавливают обязательства государства не только перед другими державами, но и перед собственными гражданами.

Но есть и аргумент в пользу более раннего перевода:

во-первых, протокол № 11 не вносил изменения в содержание статей о правах человека;

во-вторых, перевод был представлен при ратификации в Государственную Думу РФ;

в-третьих, Конституционный суд был фактически признан в качестве официального Конституционным судом РФ. В Постановлении от 10 апреля 2001 года № 5-П был воспроизведен первый перевод Конвенции.

В сложившейся ситуации невероятно трудно признать главенство одного из переводов, что заставляет еще раз обратиться к вопросам осуществления и заверки официального перевода международного договора, рассмотреть его правовое положение.

Существует путаница в терминах между российскими нормативными актами. Термин «официальный перевод» имеет в федеральном законе о международных договорах и Распоряжении Президента РФ от 08.09.1994 различные значения⁸. Так, статья 28 закона устанавливает, что официальный перевод осуществляется депозитарием международного договора. (Например, международной организацией, если договор многосторонний). Но так как в соответствии с Венской конвенцией это возможно только в случае прямого указания на то в международном договоре⁹, то в ряде случаев данная статья действовать не будет. Тогда применению подлежит Распоряжение Президента РФ, которое устанавливает, что официальный перевод осуществляется уже органом исполнительной власти¹⁰. Очевидно, что два «официальных перевода», полученные разными способами, будут иметь различное правовое положение, а следовательно, некорректно обозначать их одним термином.

⁸ В.К. Собакин обратил внимание на терминологические расхождения между российскими и международными правовыми актами – между ФЗ «О международных договорах РФ» и Венской конвенцией о праве международных договоров. Венская конвенция оперирует терминами «аутентичный», «подлинный» и «заверенная копия», а закон заменяет их на термины «официальный перевод» и «официальный текст». - В.К. Собакин. «Правовые аспекты внесения на ратификацию многосторонних международных договоров» // Московский журнал международного права. 1997. №3. С. 10.

⁹ См. пункт b части 1 статьи 77 Венской конвенции о праве международных договоров.

¹⁰ Распоряжение Президента от 08.09.1994 содержит серьезные противоречия со статьями 28 ФЗ и 77 Венской конвенции по вопросу изготовления заверенных копий, поэтому его применение весьма ограничено.

Вопросы терминологии могут быть легко решены, если будет четко установлен статус официального перевода, однако он не определяется в российском законодательстве. Если исходить из того, что осуществление и заверка перевода являются сегодня функцией правового управления МИД, то логично предположить, что перевод является только одним из средств, используемых государством для реализации норм международного договора. Официальный перевод как неаутентичный текст не имеет практически никакой юридической силы и создается лишь для удобства при ратификации, для обнародования и применения договора. Однако с этой точкой зрения трудно согласиться, поскольку она содержит определенные противоречия.

Во-первых, обратим внимание на особое значение ратификации международного договора. Ратификацию международного договора в соответствии с п. «б» статьи 2 ФЗ «О международных договорах РФ» можно определить как форму выражения согласия РФ на обязательность для нее международного договора, то есть как международный акт. Однако ратификация имеет не только внешнеполитическое и международно-правовое, но и важное внутренне-правовое значение. Ведь международный договор в соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции РФ и толкованием, данным в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31.12.1995 г., получает особую юридическую силу только в том случае, если согласие на обязательность договора было дано в форме федерального закона, то есть если договор прошел процедуру ратификации¹¹. Следовательно, официальный перевод Конвенции, который был представлен в парламент при принятии федерального закона о ратификации Конвенции, приобретает высокое правовое положение. Осуществление ратификации в форме федерального закона придает переводу, представленному при ратификации, статус закона в формальном смысле.

Во-вторых, если не признавать за официальным переводом международного договора статуса источника права, то правоприменительным органам, и прежде всего судам РФ, придется обращаться к аутентичным текстам международного договора на иностранном языке, что противоречит нормам российского законодательства о государственном языке, прежде всего статье 68 Конституции РФ и статье 10 Федерального конституционного закона «О судебной системе РФ»¹². Прак-

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.12.1995.

¹² Это мнение впервые высказано В.К. Собакиным в упоминавшейся статье «Право-

тика показывает, что суды РФ опираются на официальный перевод Конвенции, не рассматривая и не сравнивая аутентичные тексты Конвенции, на иностранных языках. Иными словами, российские суды используют официальный перевод как источник права.

В-третьих, факт опубликования официального перевода в Собрании законодательства РФ и в Бюллетене международных договоров заставляет относиться к нему как к источнику права.

Таким образом, официальный перевод имеет особое правовое положение. Официальный перевод – это осуществленный в соответствии с надлежащей процедурой перевод текста международного договора в процессе его ратификации, имеющий статус источника права, по крайней мере внутри страны¹³.

Подобное несоответствие статуса официального перевода и существующего порядка его осуществления и заверки заставляет пристальнее рассмотреть процедуру ратификации международного договора и подготовки его официального перевода.

В процедуре ратификации участвуют Президент РФ, Правительство РФ, Министерство иностранных дел РФ, иные федеральные органы исполнительной власти, Государственная Дума РФ, комитеты и комис-

вые аспекты внесения на ратификацию многосторонних международных договоров” // Московский журнал международного права. №3. 1997 г. С. 18.

13 Вывод, сделанный по поводу статуса официального перевода может иметь некоторое отношение к научному спору между сторонниками теории имплементации и теории трансформации. Приведем несколько высказываний В.М. Аверкова, одного из критиков теории трансформации. “Трансформация – превращение чего-нибудь во что-нибудь, преобразование. Если следовать такому пониманию термина, то нормы международного договора посредством так называемых трансформационных норм должны превратиться в нормы иного порядка – в нормы национального законодательства. И, как следствие этого, международный договор должен потерять свою “международность” и стать включенным в национальную правовую систему, а также стать источником национального законодательства”... “Налицо очевидная невозможность такой трансформации”, – заключает ученый.

Хочется заметить: а не это ли происходит с официальным переводом? Не являются ли приводимые в нем положения именно такими нормами, потерявшими свою международность, ставшими национальными?

Разумеется, “международный договор как продукт согласования норм независимых государств не может как таковой исчезнуть из сферы международного права в результате его превращения, по волеизъявлению одного из государств-участников, в национально-правовой акт.” Однако это не отрицает саму возможность такого “превращения”, трансформации. (Аверков В.М. Теоретические проблемы унификации // Московский журнал международного права. №3 2000 г. С. 74)

сии Государственной Думы РФ, Совет Федерации РФ. Для нашей темы чрезвычайно важна роль МИД и Государственной Думы РФ.

Процедура регулируется ФЗ «О международных договорах РФ», Регламентом ГД РФ и некоторыми подзаконными актами, определяющими порядок внесения международного договора на ратификацию.

При рассмотрении процедуры ратификации возникают некоторые существенные вопросы.

1. Надо ли при переводе текста международного договора на русский язык осуществлять толкование его положений и терминов, а также обращаться к существующим официальным и легальным толкованиям?

В Преамбуле Устава ООН записано, что государства стремятся «создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права». Общеизвестно, что применение положений договора во многом определяется его толкованием, добросовестным будет применение только такого договора, который добросовестно истолкован.

Используя тот или иной термин, мы тем самым выбираем одно из значений иностранного слова, т.е. истолковываем его. Следовательно, перевод договора является своеобразным односторонним актом толкования, даже если при переводе не ставилось такой цели. Следовательно, при создании официального перевода следует, при наличии нескольких аутентичных текстов договора, не механически воспроизводить один из текстов, а сравнивать и толковать использованные термины и выбирать те из них, которые с учетом объекта и целей договора лучше всего согласовывают оба текста. Практика в настоящий момент пошла именно по этому пути. Так, при повторном опубликовании Европейской Конвенции в СЗ РФ было указано: «Русский текст Конвенции дан в переводе с английского и французского текстов Конвенции с учетом практики Европейского суда по правам человека, особенно толкования Судом смысла статей 5, 6, 9, 10, 43 и других»¹⁴.

2. Когда перевод международного договора становится официальным?

В соответствии с буквальным толкованием статьи 16 ФЗ «О международных договорах РФ» текст становится официальным еще до принятия ГД закона о ратификации. То есть русский неаутентичный текст заверяется и становится официальным вследствие деятельности МИД.

¹⁴ СЗ РФ № 2 от 08.01.2001 г. С. 163, ст. 703.

Однако с этим трудно согласиться. В.К. Собакин сформулировал основное возражение против приведенной точки зрения: «Характер текста международного договора, вступившего в силу для Российской Федерации, должен быть столь же официален, сколь официален текст российского закона, потому как договор становится частью правовой системы». Иными словами, невозможно признать существование окончательного официального для РФ текста договора, в том числе официального перевода, еще до его заключения и опубликования. Следовательно, официальным перевод международного договора становится только после его ратификации и вследствие его ратификации. Существует важный судебный прецедент, которым официальный статус признан именно за переводом, представленным при ратификации. Это Постановление Конституционного Суда от 10 апреля 2001 года № 5-П. Данное постановление было принято, когда уже был осуществлен и опубликован повторный перевод Европейской Конвенции. Конституционный суд процитировал в своем решении тот перевод, который был представлен в Государственную Думу при ратификации и опубликован первым. Конституционный Суд признал юридическую силу именно за этим переводом. Вслед за Конституционным судом правовое значение следует признать именно за переводом, представленным при ратификации.

Учитывая особое значение ратификации, при подготовке адекватного перевода международных договоров необходимо соблюсти баланс полномочий между Государственной Думой РФ и Министерством иностранных дел. С одной стороны, МИД в соответствии с Положением о МИД определяет и осуществляет от имени РФ основные внешнеполитические функции, координирует работу органов исполнительной власти, связанную с участием РФ в международных договорах, заверяет копии и переводы международных договоров. МИД располагает наиболее компетентными специалистами для осуществления указанных функций и, следовательно, способен осуществлять их с наименьшими затратами и издержками. Министерство также в соответствии с законом представляет текст международного договора для официального опубликования. С другой стороны, статус официального перевода, рассмотренный нами ранее, требует активного участия ГД в разборе и экспертизе текста международного договора, тем более что для этого есть основания в законе¹⁵. Именно регулированию этого вопроса посвящены предложенные профессором Собакиным допол-

нения к закону о международных договорах. «Государственная Дума может своим постановлением внести изменения в текст [перевод, осуществленный соответствующим органом государственной власти РФ], если проведенная в Государственной Думе правовая и лингвистическая экспертиза обнаружит в нем искажение смысла аутентичных текстов договора»¹⁶.

Однако деятельность Государственной Думы не обязательно должна быть ограничена проверкой перевода. Разработка закона о ратификации международного договора также должна происходить в Думе. В закон о ратификации часто включают те или иные оговорки, не запрещенные международным договором. И, хотя Европейская конвенция по защите прав человека и основных свобод запрещает оговорки общего характера, в закон о ратификации можно включить положения об употреблении терминов, которое не будет являться оговоркой. Подобное заявление могло бы быть таким:

“Российская Федерация заявляет, что термины, содержащиеся в официальном переводе Конвенции, должны применяться и толковаться с учетом объекта и целей настоящего договора.

Учитывая практику применения договора, решения Европейского суда по правам человека, исходя из целей настоящей Конвенции и стремления к наиболее полному и ясному применению положений о правах и свободах человека, термины официального русского перевода рекомендуется толковать следующим образом.

Например, “уважение жилища” – признание и соблюдение прав собственника на дом, иное жилое помещение, неприкосновенность жилища, недопустимость произвольного проникновения в жилище, независимо от права собственности на землю.

Данное толкование является рекомендательным для применения Конвенции в РФ и не является ограничением и умалением любого из

¹⁵ Статья 174 Регламента ГД устанавливает, что соответствующие комитеты ГД “могут запрашивать у соответствующих государственных органов Российской Федерации дополнительную информацию, касающуюся представленного на ратификацию международного договора, привлекать к оценке этой информации и текста международного договора независимых экспертов». Оценка текста международного договора должна включать и оценку перевода международного договора, представленного в ГД. Данная статья ориентирует на активное участие Думы в подготовке и проверке перевода международного договора совместно с МИД.

¹⁶ В.К. Собакин “Правовые аспекты внесения на ратификацию многосторонних международных договоров” // Московский журнал международного права. №3. 1997 г. С. 18.

прав человека и основных свобод, которое будет признано Европейским судом по правам человека в соответствии с настоящей Конвенцией”.

В том случае, если после ратификации Конвенции все-таки обнаружено несоответствие перевода аутентичным текстам Конвенции, следует установить следующий порядок исправления официального перевода. МИД должно провести экспертизу текста договора и при обнаружении ошибки в переводе незамедлительно уведомить Президента РФ, Государственную Думу и Совет Федерации РФ о найденном несоответствии, а также представить новый официальный перевод международного договора. После получения согласия всех органов, участвовавших в ратификации международного договора, МИД осуществляет публикацию нового текста договора/конвенции с указанием исправленных положений.

Надлежащая процедура ратификации способна придать русскому неаутентичному тексту статус источника внутреннего права, однако для международных органов, в нашем случае для Совета Европы, русский текст официальным не будет. Ни один орган Совета Европы, и прежде всего Европейский суд по правам человека, не примет русский текст во внимание при толковании положений Конвенции. Для придания русскому неаутентичному тексту официального международного статуса В.К. Собакин предложил, основываясь на статье 77 Венской конвенции о праве международных договоров, привлечь Генерального секретаря Совета Европы как депозитария Конвенции к подготовке и заверке официального перевода. В результате такой усложненной процедуры ратификации русский текст был бы признан в качестве официального как внутри страны, так и на международном уровне, а также учитывался бы Европейским судом при толковании положений Конвенции как “документ, составленный одним или несколькими участниками в связи с заключением договора и принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору»¹⁷. Такая практика рекомендована для международных организаций многими учеными. В частности, М. Табори считает, что признание аутентичными текстов международного договора на всех языках государств-участников позволило бы избежать противоречий между официальным внутренним переводом и аутентичными международными версиями¹⁸.

¹⁷ Часть 2 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров.

Однако этого не произошло. Более того, в связи с заявлениями Центра информации и публикации Совета Европы возникла некоторая путаница. Так, Центр информации СЕ, ранее в соответствии с указаниями из Страсбурга заявлявший о том, что официальным переводом будет признан лишь текст, представленный при ратификации¹⁹, в настоящее время признает официальный статус за повторным переводом Конвенции, осуществленным МИДом без участия Государственной Думы. Как мы видим, косвенное участие европейских органов в осуществлении подготовки перевода не разрешило поставленных вопросов, а, наоборот, лишь усложнило ситуацию.

Следовательно, в случае участия одного из органов Совета Европы в подготовке русского перевода любой европейской конвенции следует учитывать некоторые процедурные вопросы. Для того, чтобы не возникло различия между переводом, представленным при ратификации в ГД, и переводом, составленным с участием международной организации, необходимо объединить внутригосударственную и «европейскую» процедуры подготовки перевода. Например, следует прописать в ФЗ «О ратификации международных договоров» порядок участия депозитария международного договора в подготовке официального перевода. Будет разумно возложить на МИД обязанность организовать работу по подготовке перевода текста совместно с международными организациями и полностью согласовать все вопросы еще до внесения текста на ратификацию.

Однако даже детально разработанная процедура перевода аутентичных текстов международного договора не гарантирует полного соответствия официального перевода аутентичным текстам и тем более не исключает необходимость в толковании его положений. Поэтому необходимо учитывать роль судебных органов в оценке и дальнейшем совершенствовании официальных переводов международных договоров.

Часть 3 статьи 5 ФЗ «О судебной системе» гласит: «Суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа, а равно должностного лица Конституции Российской Федерации, федеральному конституционному закону, федеральному закону, общепризнанным принципам и нормам международного права,

¹⁸ Tabory, Mala. Multilingualism in International Law and International Institutions. Sishoff & Noorsnoff. 1980. P. 230.

¹⁹ В.К. Собакин «Правовые аспекты внесения на ратификацию многосторонних международных договоров» // Московский журнал международного права. 1997 г. №3. С. 10.

международному договору Российской Федерации, конституции (устава) субъекта Российской Федерации, закону субъекта Российской Федерации, принимает решение в соответствии с правовыми положениями, имеющими наибольшую юридическую силу». Бесспорно, что положения аутентичного текста имеют преимущество перед официальным переводом. Учитывая положение статьи 18 Конституции РФ, положения закона можно толковать шире. Суды, в случае достаточных оснований предполагать, что официальный перевод содержит неточное изложение положений международного договора, вправе напрямую обращаться к аутентичным текстам с целью толкования положений договора. После официальной публикации обоих аутентичных текстов Европейской Конвенции в 2001 году они стали вполне доступны российским судам. Разумеется, для обращения к аутентичным текстам на иностранных языках непосредственно в судах РФ должны быть разработаны и законодательно закреплены надлежащие судебные процедуры. В частности, должны быть дополнены нормы о языке судопроизводства.

Иногда сами аутентичные тексты нуждаются в толковании. В случае толкования текстов Европейской Конвенции при оценке (экспертизе) официального перевода следует учитывать следующее положение федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней» от 30.03.1998 г. Абзац 6 статьи 1 закона гласит: «РФ в соответствии с 46 статьей Конвенции признает *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения РФ положений этих договорных актов...». Приведенное положение фактически включает в правовую систему РФ прецедентное право, решения Европейского суда. Следовательно, российские суды вправе обращаться к решениям Европейского суда по правам человека, в которых определяются необходимые суду понятия и термины Конвенции.

Подобное толкование закона о ратификации требует дальнейшего подтверждения на практике, но уже сейчас существуют достаточно веские аргументы в пользу этого суждения.

Во-первых, часть 2 статьи 31 Венской Конвенции о праве международных договоров устанавливает, что при толковании учитывается «b) последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

Во-вторых, такой подход вполне согласуется с опытом других стран-членов Совета Европы. В Великобритании 09.11.1998 г. был принят Закон о Правах Человека (Human Rights Act). Статья вторая, адресованная судам и трибуналам Соединенного Королевства, прямо устанавливает, что при разрешении вопроса, относящегося к Конвенции о защите прав и свобод человека, необходимо учитывать решения и заявления Европейского суда по правам человека²⁰.

В-третьих, Европейский суд неоднократно заявлял, что «считает творческое толкование норм составной частью своих судебных обязанностей. Свою задачу он видит в том, чтобы развивать нормы, закрепленные Конвенцией, которая должна рассматриваться как живой документ»^{21 22}.

Критический подход судов к положениям, содержащимся в официальных переводах международных договоров, будет вполне соответствовать общим принципам применения нормативно-правовых актов в судах РФ. Это, безусловно, повысит роль судов в обеспечении эффективного применения положений Европейской Конвенции по защите прав человека и основных свобод в Российской Федерации.

Вопрос о соответствии официального перевода и аутентичных текстов Европейской Конвенции может возникнуть и в Европейском суде по правам человека. Представим, что Европейский Суд по правам человека рассматривает дело, для разрешения которого подлежит применению статья, неправильно переведенная на русский язык. Пред-

²⁰ "(1) A court or tribunal determining a question which has arisen in connection with a Convention right must take into account any:

(a) judgment, decision, declaration or advisory opinion of the European Court of Human Rights,

(b) opinion of the Commission given in a report adopted under Article 31 of the Convention,

(c) decision of the Commission in connection with Article 26 or 27(2) of the Convention, or

(d) decision of the Committee of Ministers taken under Article 46 of the Convention..."

В приведенном тексте также говорится о Комиссии, однако, в соответствии с протоколом №11 она прекратила свое существование, тем не менее, высказанные ею мнения по некоторым вопросам не потеряли своего значения.

²¹ См. например: Tyrer case, Judgement of 18 April 1978 A26, para 31.

²² В настоящее время вопрос о статусе прецедентов Европейского Суда широко обсуждается как в России, так и в других государствах, присоединившихся к Конвенции. Например: С. Шевчук. Европейское прецедентное право в украинской правовой системе. // Юридическая практика. №20. 1999. В журнале «Государство и право» №12 за 2001 г. опубликована статья председателя Европейского Суда по правам человека Люциуса Вильдхабера «Прецедент в Европейском Суде по правам человека», в которой исследуется роль прецедентного права в правовой системе.

ставим также, что истец ссылается в обоснование своего требования на официальный русский перевод, несколько расширяющий его права по сравнению с аутентичным текстом, или ответчик (РФ) обосновывает свои возражения своим толкованием текста Конвенции, которое закрепил русский перевод.

В первую очередь следует подчеркнуть, что по общему правилу Суд при толковании Конвенции не принимает во внимание никакие документы, кроме аутентичных текстов, что неоднократно подтверждалось в решениях Суда. Так, например, было в деле *ÖZTÜRK v. Germany*, которое Суд рассматривал 21.02.1984 г. Суть дела такова: статья 6 Европейской Конвенции закрепляет в том числе права обвиняемых по уголовному делу. Истец настаивал на наличии у него этих прав, несмотря на то, что его деяние по законодательству ФРГ не является уголовным преступлением и дело рассматривалось в порядке административного производства. Суд согласился с жалобщиком и указал, что термин «уголовное преступление», используемый Европейской Конвенцией, имеет независимое значение и не зависит от декриминализации деяния по внутреннему законодательству. При его толковании Суд распространил статью 6 и на деяние, не являющееся уголовным в ФРГ²³.

Тем не менее, так как Европейский суд рассматривает не только права человека в соответствии с Конвенцией, но и права, закрепленные внутренним законодательством, то официальный перевод Конвенции, если он расширяет или сужает то или иное право, может быть рассмотрен Судом в качестве национального законодательства.

Если русский перевод допускает более широкое толкование, чем положения аутентичных текстов, то Суд в соответствии со статьей 53 «Гарантии в отношении признанных прав человека», а также в связи с объектом и целями Конвенции может решить, что государство обязало себя собственным толкованием Конвенции, то есть переводом, и признать за жалобщиком такое право. Однако пока не известно ни одного подобного прецедента, и представленное заключение является всего лишь гипотезой автора.

Если русский перевод существенно ограничивает то или иное право, Суд не только не примет во внимание такой перевод, но и может обязать государство заново перевести данную статью, основываясь на

²³ CASE OF ÖZTÜRK v. GERMANY Application number 00008544/79 Date 21/02/1984.

том, что РФ признала обязательным толкование Судом статей Конвенции, касающихся прав человека. При определенных обстоятельствах Европейский Суд имеет право признать государство виновным в нарушении статьи 17 Конвенции “Запрещение злоупотребления правами”, которая запрещает ограничение права в большей мере, чем это предусмотрено Конвенцией, что будет иметь весьма серьезные последствия для государства.

Особенности осуществления официального перевода аутентичных текстов Европейской Конвенции по защите прав человека и основных свобод, а также значение последствий, к которым может привести неадекватный перевод при разрешении конкретных дел судебными органами, свидетельствуют о тесной взаимосвязи перевода и толкования Европейской Конвенции. Объект и цель Конвенции требуют, чтобы толкование и применение ее положений осуществлялось так, чтобы предусмотренные в ней гарантии были «практическими и эффективными». Следовательно, и перевод должен быть «практическим и эффективным».

Обратимся непосредственно к переводам Европейской Конвенции по защите прав человека и протоколов к ней.

СТАТЬЯ 6 «Право на справедливое судебное разбирательство».

Основные отличия в переводе находятся в первом предложении первой части²⁴.

1. «Каждый человек имеет право при рассмотрении его прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

2. «Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

Первый перевод использует выражения, содержащиеся в общепризнанных международных нормах и применяемые российским законодателем. Так, статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах начинается так: «Каждый имеет право при рассмот-

²⁴ Под номером 1 будет представлен перевод, опубликованный в 1998 году, под номером 2 – перевод, опубликованный в 2001 году.

рении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, или при определении его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона». Повторный перевод осуществлен уже с учетом практики Европейского Суда по правам человека. Обращение к практике Европейского Суда при переводе статьи 6 вызвано существованием важного прецедента. В деле *GOLDER v. THE UNITED KINGDOM* Европейский Суд должен был ответить на вопрос: возникают права, гарантируемые статьей 6 Конвенции, только в случае если гражданское дело уже рассматривается судом, или данная статья дает человеку право обратиться в суд для определения своих гражданских прав и обязанностей. Суд пришел к выводу, что “the phrase «in the determination of his civil rights and obligations», on which the Government have relied in support of their contention, does not necessarily refer only to judicial proceedings already pending; as the Commission have observed, it may be taken as synonymous with «wherever his civil rights and obligations are being determined» (paragraph 52 of the report). It too would then imply the right to have the determination of disputes relating to civil rights and obligations made by a court or «tribunal»”²⁵. Это пример, когда повторный перевод содержит выражения, более подходящие для Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

СТАТЬЯ 8 “Право на уважение частной и семейной жизни”.

Рассмотрим переводы части 1.

1. “Каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни, неприкосновенность его жилища и тайны корреспонденции”.

2. “Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции”.

В данном случае повторный перевод является дословным, тогда как при первом переводе вновь исходили из принятых в российском законодательстве формулировок. Так, статья 25 Конституции РФ устанавливает, что “жилище неприкосновенно”. Статья 12 Всеобщей декларации прав человека также содержит такие выражения, как “неприкосновенность жилища” и “тайна корреспонденции”. Подобный подход в принципе вполне имеет право на существование, поскольку для эф-

²⁵ **Title** CASE OF *GOLDER v. THE UNITED KINGDOM* **Application number** 00004451/
70 Date 21/02/1975, para 32.

фективного правоприменения необходимо использовать понятные, укоренившиеся термины. Однако в данном конкретном случае такой перевод вряд ли будет корректным, поскольку выражение “respect for home” и “respect de son domicile” имеют более широкое толкование, чем «неприкосновенность жилища». Сравним толкование 25 статьи Конституции и содержание понятия «уважение жилища», установленное Европейским Судом.

Гарантия неприкосновенности жилища означает, что никто не имеет права без законного основания войти в жилище, а также оставаться в нем против воли проживающих в нем лиц. Статья 25 Конституции РФ прежде всего охраняет граждан от незаконного вторжения и обысков со стороны правоохранительных органов и иных силовых структур²⁶.

Обязательство уважать жилище согласно статье 8 Конвенции в соответствии с решениями Европейского Суда охватывает более широкий круг возможных нарушений. Помимо запрета незаконных обысков (CASE OF CRÉMIEUX v. FRANCE Application number 00011471/85 Date 25/02/1993), нарушением статьи 8 может быть также несоблюдение имущественных прав арендатора (CASE OF LARKOS v. CYPRUS Application number 00029515/95 Date 18/02/1999) и даже шум аэропорта в ночное время (CASE OF HATTON AND OTHERS v. THE UNITED KINGDOM Application number 00036022/97 Date 02/10/2001). Следовательно, использование формулировок отечественного законодательства будет ориентировать правоприменителя на более узкое толкование данной нормы, что, безусловно, будет иметь негативные последствия. Тогда как дословный перевод потребует более вдумчивого

²⁶ Постановление Конституционного суда РФ по делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 УПК РСФСР в связи с жалобой граждан В.К.Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и ООО «МОНОКОМ» от 23.03.1999 г. № 5-П. Постановление Конституционного суда РФ по делу о проверке конституционности указа президента РФ от 30.11.1994 г. №2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики» и от 9 декабря 1994 года N 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 года N 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. N 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации» от 31.07.1995 г. №10-П.

толкования и направит правоприменителя к практике Европейского Суда.

Повторный перевод, устранив указанное противоречие, тем не менее, содержит в себе определенные недостатки. Так, термин «home»/«domicile» правильнее будет перевести именно как «дом» или как «дом и жилище», а не как «жилище». Дело в том, что жилище – это место «где живут или поселились люди»²⁷, причем не только их дом, но и место временного проживания²⁸. Статья Конвенции говорит скорее о доме, то есть о таком месте жительства, строении, с которым человека связывают устойчивые связи, традиции, независимо от того, проживает ли он в данный момент в этом месте или нет. Например, в деле Голдера Суд, определяя понятие «дома» указал: «although the applicants had been absent from Guernsey for almost nineteen years, they had in the circumstances retained sufficient continuing links with «Whiteknights» for it to be considered their «home», for the purposes of Article 8 of the Convention, at the time of the disputed measures». Таким образом, в случае со статьей 8 оба перевода не полностью отражают содержание норм Конвенции, хотя второй вариант представляется более приемлемым.

СТАТЬЯ 1 ПРОТОКОЛА 1 «Защита собственности».

Первое предложение части первой настоящей статьи имеет два различных перевода.

1. «Каждое физическое и юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом».

2. «Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности».

В данном случае первый перевод практически дословно воспроизводит английский аутентичный текст, тогда как второй основывается на французском тексте.

Прежде всего, отметим, что согласно мнению Европейского Суда и Комиссии, речь в данной статье идет о праве собственности.²⁹ Следо-

²⁷ В. Даль Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т., – М., Прогресс, 1994. Т. 1. С. 1347

²⁸ М.В. Баглай Конституционное право РФ: Учебник. Изд. 2-е, Норма-Инфра. – М., 1999. С. 184.

²⁹ “By recognising that everyone has the right to the peaceful enjoyment of his possessions, Article 1 (P1-1) is in substance guaranteeing the right of **property**. This is the clear impression left by the words «possessions» and «use of **property**» (in French: «biens», «propriétés», «usage des biens»); the «travaux préparatoires», for their part, confirm this unequivocally: the drafters continually spoke of «**right of property**» or «**right to property**» to describe the subject-matter of the successive drafts which were the forerunners of the present Article 1 (P1-1).”

вательно, обе формулировки не отражают содержания данной статьи. Первый перевод говорит о «пользовании» имуществом, тогда как по делу Маркса Суд установил, что распоряжение имуществом является неотъемлемой составляющей права собственности и защищается данной статьей³⁰. Формулировка второго перевода настолько расплывчата, что можно говорить о ее неэффективности. Она придает первому предложению статус декларации и ориентирует на практическое использование только части второй данной статьи. Более того, во втором переводе можно усмотреть еще большее ограничение прав не только по сравнению со смыслом Конвенции, но и по сравнению с первым переводом.

При переводе статьи 1 Протокола 1 следует, по-видимому, отойти от дословного воспроизведения одного из аутентичных текстов и разработать собственную формулировку, учитывая решения Европейского Суда. Например, возможны следующие варианты: «право на беспрепятственное осуществление всех имущественных прав» или «уважение всех прав собственника».

Рассматривая данную статью, следует обратить внимание также на часть вторую, несмотря на то, что различий в переводах нет. «Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами и для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

Обратим внимание только на один оборот – «контроль за использованием». В русском языке слово «контроль» означает проверку, а также наблюдение с целью проверки³¹. Это слово, несмотря на сходство с английским «control» не является его аналогом, так как заимствовано из французского языка «contrôle», где также означает проверку, на-

CASE OF SPORRONG AND LÖNNROTH v. SWEDEN Application number 00007151/75; 00007152/75 Date 23/09/1982 para 57.

CASE OF MARCKX v. BELGIUM Application number 00006833/74 Date 13/06/1979 para 63.

³⁰ CASE OF MARCKX v. BELGIUM Application number 00006833/74 Date 13/06/1979 para 63

³¹ С.И. Ожегов. Словарь русского языка. Изд. 3-е. Государственное издательство иностранных и национальных словарей. – М., 1953. С. 256.

блюдение, досмотр. Английский глагол «to control», используемый в аутентичном тексте, означает руководить, регулировать. Именно это значительно более широкое значение используется Конвенцией. Это предположение подтверждается французским аутентичным текстом, который использует не термин «controle», но термин «reglementer», то есть регламентировать, регулировать. Иными словами, перед нами тот самый случай, когда русский перевод значительно ограничивает права государства и расширяет права человека по отношению к аутентичным текстам.

Существуют и другие примеры явных ошибок в обоих вариантах перевода. Указанные неточности и противоречия свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования переводов текста.

Принимая во внимание правовое положение официального перевода международных договоров, необходимо урегулировать на законодательном уровне порядок его осуществления с учетом принципов правового государства и разделения властей. Для обеспечения практического и эффективного применения положений Европейской Конвенции по защите прав и основных свобод человека, а также любых других международных договоров в области защиты прав человека необходим единообразный, точный и понятный официальный перевод. В заключение стоит отметить, что перевод аутентичных текстов многосторонних договоров не является только лишь техническим этапом при присоединении к многостороннему договору. Наоборот, качество перевода говорит о понимании (или непонимании) государством сущности и положений международного договора, о стремлении неукоснительно соблюдать договор на практике и, в конечном итоге, об уровне правовой культуры в государстве.